

Виктор Астафьев

Передышка

*Часть сборника
О любви (сборник)*

Виктор Астафьев

Передышка

«ЭКСМО»

1971

Астафьев В. П.

Передышка / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1971

«В сорок третьем году во время летних боев мы неожиданно и нежданно для фашистов выскочили к хутору Михайловскому, что на Полтавщине. Выскочили и подзадержались. Почитай, неделю толкались на жарко полыхающих ржаных полях, и веселый, в садах утопающий хутор был за это время почти весь порушен и сожжен, деревья срублены, загороди свалены, перекопанные вдоль и поперек огороды разворочены взрывами. Словом, каждая высотка за хутором доставалась нам большой кровью...»

© Астафьев В. П., 1971

© Эксмо, 1971

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Виктор Астафьев

Передышка

* * *

Вы современную песню про кольцо и про любовь слышали?

Глупая, надо вам заметить, песня, и, мало того, она еще и в корне неправильная, в особенности эти вот слова: «Нет ни начала, ни конца...» Брехня! Я на факте докажу шаромыжникам, составившим песню, – есть начало, и конец есть!..

В сорок третьем году во время летних боев мы неожиданно и негаданно для фашистов выскочили к хутору Михайловскому, что на Полтавщине. Выскочили и подзадержались. Почитай, неделю толкались на жарко полыхающих ржаных полях, и веселый, в садах утопающий хутор был за это время почти весь порушен и сожжен, деревья срублены, загороди свалены, перекопанные вдоль и поперек огороды разворочены взрывами. Словом, каждая высотка за хутором доставалась нам большой кровью и работой.

Испеченные солнцем, копали мы землю, таскали связь, вели огонь по врагу и дошли до того, что губы у нас потрескались, языки пораспухали без питья, гимнастерки от соли ломались на спинах, есть мы ничего не могли, и нам хотелось только пить, пить. Колодцы в хуторе были уже вычерпаны до дна, а болотинка, с гектар величиной, зеленевшая в ложбине за огородами хутора, была до того изрыта и выжата, что мы жевали мокрую траву и пробовали сосать жидкую грязь. Немцы день и ночь били по болотцу, зная, что там всегда людно.

Но «как ни болела – померла», – говорится в одной дурашливой русской поговорке. Немцев с полтавских высот мы в конце концов сбили, и они покатались «вперед на запад» – как тогда шутили вояки.

Не раз и не два довелось нам потом быть в разного рода передрыгах, воевать и без воды, и голодом, и холодом, и про хутор Михайловский мы скорей всего забыли бы, как забыли множество других хуторов и деревень, где выпадало нам всякое военное лихо. Но после отъезда из хутора начали мы замечать неладное в поведении шофера Андрюхи Колупаева.

Я забыл сказать, что воевал во взводе управления истребительного артдивизиона и взвод этот: связистов, разведчиков, топографов, вместе с катушками, телефонами, буссолью, стереотрубой, планшетом и прочим скарбом – возил по фронту на отечественном «газике» этот самый Андрюха Колупаев. Если бы шоферам давали звания за умелость и талант – Андрюха наш звался бы профессором, а то и академиком – такой он был классный шофер. «Где «студер» не везет, трактор буксует и олень не идет – там Андрюха Колупаев пройдет!» – говорили про него, и через это умение шибко доставалось Андрюхе. «Газик», к которому он саморучно приделал еще одну ведущую ось, мотался по военным дорогам почти безостановочно, и, когда машину Колупаева поставили на ремонт, собрать ее уже не могли: вся она была изношена. Андрюхе дали тогда медаль «За боевые заслуги» и новую трофейную машину.

Однако произошло это уже в Польше, и до события того было еще ой как много километров! Пока же мы только-только съехали с хутора Михайловского и обнаружили, что у Андрюхи пропал аппетит, лицо его осунулось и в завалившихся глазах обозначалась какая-то непонятная мгла. Ну, вопросы пошли: «Не заболел ли? Дома все ли в порядке?.. Может, письмо худое получил?..»

«Отстаньте от меня!.. Отцепитесь!.. Чего привязались?!» – надломленным голосом кричал Андрюха и добавлял разные слова.

Крутой нравом, занозистый мужик, еще в гражданке избалованный как редкостный спец по машинам, Андрюха и на войне марку держал высоко. Позволял себе возвышать голос на нас

и даже вредничать с начальством, которое относилось к нему почтительно и по возможности оберегало такого нужного бойца от истребления.

Но хоть он и спец, хоть и дока по части техники, да в других вопросах были у нас люди и попроницательней, и вострее его – и скрыть Андрюха ничего не сумел, потому как не было еще и не скоро, думаю, будет такая человеческая тайна, каковую бы не вырвал из нетей русский солдат – зрящий на три метра в землю, а может, и дальше!

Андрюха Колупаев влюбился!

Это был первый такой случай в нашей части, и мы до того оказались сражены, что и на Андрюху глядели совсем уж по-другому, отыскивая в нем ту красоту и значительность, за которую господь бог ниспослал человеку этакое чудо!

Вы думаете, мы обнаружили сказочного принца в золотых одеждах и с пронзительным взглядом? Где там! Мы даже кучерявого лейтенанта в хромовых сапогах и то не обнаружили! У радиатора «газушки» вертел заводную ручку и матерился на весь Украинский фронт коренастый, чернявый, на бурята смахивающий мужик.

О любовь! Ты и вправду что слепа! У меня вот, взять, шатеновые волосы, выющиеся, если их с духовым мылом вымыть. Нос, правда, подкачал – он у меня коромыслом! Зато глаза – как у артиста Дружникова – задумчивые! Внешность – хоть куда! Но завлек я кого-нибудь? Завлек?..

Через две недели пришло письмо, и Андрюха не стал его нам читать, лишь подразнил, показав начало, где обмусленным химическим карандашом было выведено: «Коханый мий!» Все остальное письмо Андрюха закрыл мазутной ладонью, потом и вовсе уединился в кабину.

«Коханый мий!» Вот так Андрюха! Это пока мы бились за хутор Михайловский, пока мы издыхали на высотах и у нас все засохло не только в животе, но и в башках, он охмурил вдовицу годов двадцати двух – двадцати трех.

Мы видели ее, эту грудастенную, стеснительную вдовицу с черными бровями и уважительным голосом. То-то она так проворно бегала по хате, уцелевшей в боях, то-то она поднарядилась в фартук с лентами и все напевала: «Будь ласка, Андрій Степаньчу, будь ласка!..»

Лицо Андрюхино так блестело и сияло, будто он квашню блинов срубал во время Масленицы и сверх того пол-литра выпил. На нас он смотрел ровно бы с парашютной вышки, не различая отдельных черт лица, как на серую, интереса не имеющую массу.

Фасонит Колупаев Андрюха, задается! Но у него ж в забайкальском совхозе имени Десяти замученных красных партизан имеются жена и двое детишек! Забыл? На-по-о-ом-ним! Рассказывай, голубчик, как и что было, детально, досконально рассказывай, иначе...

– Не могу, ребята! Хоть режьте! Любовь промеж нас зачалась гибельная!.. – И грустно поведал Андрюха, как тоскует он о Галине Артюховне, и его по правилам с машины сымать бы надо, потому как он ночами не спит и может аварию сделать и весь взвод управления поизувечить. Он обвел всех нас жалеющими глазами и вздохнул: – Очень, ребята, хорошо любить! Вроде бы и мученье, а все одно хорошо!..

Поняли мы его – не чурки! – как-никак в школах учились, в пионерах иные состояли и книжки про любовь читали. Зауважали мы Андрюху и даже потихоньку гордились тем, что есть у нас такой боец, который вроде бы всех нас обнадежил на будущее своей любовью.

Письма Андрюха получал с каждой почтой, иногда по три сразу. Он уходил в лес или прятался в хлеба и читал по многу раз каждое письмо. Потом Андрюха залисил вокруг меня, угодливым сделался, в кабину зазывал, где ехать благодать: спать можно, пылью не душит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.